

Крича Цветкова

САМОЗВАНКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Ирина Цветкова

**Самозванка
Российской империи**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Цветкова И.

Самозванка Российской империи / И. Цветкова —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Провинциальной девушке мещанского сословия Маше Мещеряковой попадают в руки документы об её истинном происхождении. Оказывается, она вовсе не Маша, у героини другое имя и она является потомком Романовых. Девушка решает вступить в борьбу за свои права и отвоевать корону. Полиция не дремлет и объявляет охоту. Кто же выйдет победителем?

© Цветкова И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ирина Цветкова

Самозванка Российской империи

Из указа Екатерины II новороссийскому генерал-губернатору Г. А. Потёмкину об основании города Херсона

18 июня 1778 г.

Известны вам предположения наши о заведении для Чёрного моря гавани и верфи, о коем надлежащая изобретения и планы учинить поручено было от нас Адмиралтейской нашей коллегии, ... но в точном назначении места по сие время встречались трудности и сомнения...

Желаем, чтобы вы, с нашим Адмиралтейской Коллегии вице-президентом графом Чернышёвым постановили о месте к сему удобном, назначивая оное по соображению выгод морских и сухопутных, хотя бы оное выше, или же и на Днепре было, а потом приступили и к распоряжениям о строениях... Место сие повелеваю наименовать Херсоном. Адмиралтейство тамошнее долженствует находиться под защитою укреплений...

Посвящаю родному городу

Автор

Часть 1

Херсонский помещик Фёдор Недригайло выпрыгнул из пролётки, не дожидаясь её остановки, и быстрым шагом зашёл в дом.

– Кум! Кум!

От нетерпения он даже пританцовывал на месте.

– Кум! Да где же ты, чёрт тебя побери?

– Чего шум поднял? Кричишь, будто на пожар, – вышел кум в вышитой сорочке. – А я давеча тебя вспоминал. Завтра опять в имение ехать, дел непростых, управляющего надо в шею гнать, да кого возьмёшь? Одни воры да жулики, не на кого положиться, всё самому надо контролировать. В Херсон редко наезжаю, знакомых не вижу. Хорошо, что зашёл, а то бы опять не свиделись.

– Кум, да я же к тебе зачем пришёл – сына я женю! Представляешь, Тимку моего женю!

– Да ну!

– Да, так что ты не забывай – будешь первым гостем на свадьбе. Всё-таки крестник твой.

– Это дело надо отметить, – он тут же распорядился накрыть на стол. – Давай-ка по стопочке горилки, сейчас закуску принесут.

Закуска не замедлила появиться, да ещё в таком количестве, что вдвоём они явно бы её не осилили.

– А где кума? Садись, Анюта, рядом с Михайлом, будем за моего сына пить.

Они выпили, потом закусили. Потом ещё раз выпили и ещё раз закусили. Закуска была знатная: дымящийся малороссийский борщ, рядом на отдельной тарелочке подали пампушки с чесночным соусом. Своей очереди ждали вареники с разными начинками, а ещё была селёдка, была зелень, было ещё что-то, Фёдору было не видать в конце стола другие блюда.

– Нет, всё-таки самый лучший борщ варят в Херсонской губернии, – похвалил он. – Нигде больше такого борща не пробовал.

Справедливости ради надо сказать, что он нигде больше и не был, кроме Херсонской губернии.

– Ну, а теперь расскажи про невесту, – заговорил Михайло, когда они немного подкрепились. – Вы чью берёте-то?

– Мещерякову Машку.

– Это которая? Сирота что ль?

– Ну да.

– Да что вы в ней нашли-то? Она такая невзрачная, ни рожи, ни кожи. Разве что косища до пят.

– Э-эх, Михайло! Тут своя история. Нам выгоднее было взять её, потому что без родителей. К другим сунешься – начнут крутить носом, всё выпрашивать да разузнавать, ещё откажут. Снова ищи невесту. А к этой пришли свататься – у неё сразу глаза загорелись, вся затрепетала и тут же дала согласие. Она молодая, глупая ещё, ей главное подружкам нос утереть. Как же: не успела начать в свет выезжать – и уже сваты приехали. Мы с ней уже обо всём и сговорились, и свадьбу назначили.

– А почему такая спешка? Можно было бы и побогаче найти, – удивился Михайло.

– Дак я ж тебе говорю: тут своя история, – горячился выпивший Фёдор. – А ты со своими глупыми вопросами не даёшь рассказать. Я должен был найти сыну жену, и очень быстро, а то он спутался с деревенской девкой. Тут я, конечно, виноват, выпустил его из-под своего контроля. Но я же не думал, что до этого дойдёт. А что получилось – кинулись они

мне в ноги, просят благословения. Говорят, до греха у них дошло, надо венчаться. Ну, я им, конечно, устроил «венчание». Аксиныю эту выгнал из дому, а Тимку привёз из имения сюда, в Херсон, женю его и отправлю куда-нибудь молодых в путешествие. Если не сразу, так со временем забудет он свою Аксиныю, будет с женой и детьми жить, как все люди.

– Какие распущенные и нахальные девчонки стали, – вступила в разговор Анна. – В моё время такое поведение было недопустимо.

– Да, вот из-за таких наши сыновья ломают себе жизнь.

Михайло пытался попасть вилкой в вареник, последний оставшийся на тарелке, но после восьмой безуспешной попытки оставил эти намерения. Он обнял Фёдора и, изрядно захмелевшие, они затянули песню. Анна, поняв, что ей здесь делать больше нечего, встала и ушла в свою комнату.

Шестнадцатилетняя невеста Мария Мещерякова в подвенечном платье крутилась перед зеркалом так и сяк, не в силах оторвать глаз от своего изображения. «Ах, какая я счастливая! Я сама себе не верю, – думала она. – Неужели это всё происходит со мной? Неужели сегодня я стану женой?»

Она думала о том, как будет прогуливаться, ловя на себе завистливые взгляды тех, кого она успела опередить, по вечерам об руку с мужем по Суворовской улице – месте, где обычно гуляет всё городская знать.

«Соседской Татьяне скоро двадцать, а она ещё незамужняя. И Ольга, соседка напротив, в свои восемнадцать ещё ни гу-гу. Да что говорить, всех я перещеголяла. Сколько раз в девичестве я думала о замужестве – и вот оно уже пришло, и ко мне – раньше всех. Ох!»

Сумбурные мысли Марии перескакивали с одного на другое. При этом она не отрывала своего взгляда от зеркала, разглядывая себя в нём. Смотрела на своё лицо, на гладко зачёсанные назад волосы, не находя, впрочем, во всём этом особой красоты. «Но всё же Тимофей полюбил меня, ведь он ко мне посватался, да ещё и не захотел надолго откладывать свадьбу. Я ему понравилась. Из всех он выбрал именно меня. Значит, я красивее и достойнее всех».

Вкус жениха Тимофея не подлежал сомнению, ведь он уже взрослый мужчина – на целых шесть лет старше неё, не какой-нибудь оболтус из тех, которые гурьбой ходят в гимназию мимо её дома.

«Одна моя коса чего стоит! Ни у кого в Херсоне такой нет». Правда, придётся смириться с тем, что сегодня вечером ей расплетут девичью косу и заплетут две косы попроще и потоньше – признак того, что она уже замужняя женщина.

«А потом у меня будут маленькие!» – при этой мысли у неё от умиления выступили слёзы на глазах. Она представила, как они с Тимошей будут гулять по Суворовской с коляской – все её одноклассницы-гимназистки сойдут с ума от зависти. А Катька – та вообще лопнет от злости.

– А теперь фату примерьте, – голос Оксаны, служанки, вернул её к действительности.

– Пора, пора, – глянув в окно, сказала другая служанка, пожилая Дарья, – уже ваш суженый приехали.

У Марии заколотилось сердце, она моментально спохватилась, привела себя в порядок и направилась к двери, пунцовая от радости и смущения. Она не видела себя со стороны, лишь служанки, глядя вслед, заметили, как она ещё неуклюжа и как мало ей подходит свадебный наряд. «Она ещё гадкий утёнок», – вероятно, думали они. И вдруг в тишине раздался треск рвущейся ткани. Оксана и Дарья, подскочив к оцепеневшей и расстроенной невесте, увидели дыры на свадебном платье – результат её неловкого шага. Она наступила себе на кончик платья и тут же оторвалась оборка на подоле и юбка от лифа в талии. Женщины сейчас же кинулись зашивать, бормоча про себя, что это плохая примета, а невеста чуть не плакала. И когда высокие двухстворчатые двери раскрылись, на пороге показался жених в

чёрном строгом костюме с цветочком на лацкане и букетом в руках, а сзади его родственники – Мария от досады заплакала по-настоящему.

«Почему он увидел меня именно в этот момент, когда на мне зашивают платье?»

Но Тимофей, по-видимому, не придавал этому факту большого значения. Он сунул ей розы и, дождавшись окончания шитья, провёл невесту в пролётку. Молча они доехали до церкви. Мария всю дорогу смотрела прямо перед собой, боясь поднять на него заплаканные глаза. Возможно, если бы она посмотрела в глаза будущему мужу, то что-нибудь прочитала в них.

Но вот уже и церковь. Встрепенулись нищие, увидев свадьбу – теперь им явно что-то перепадёт. Мария и Тимофей, выйдя из экипажа, чинно и благородно под руку двинулись по высокой лестнице, ведущей в Свято-Духовский храм, а за ними вся процессия. Под золотыми куполами пели колокола, разливая по округе колокольный звон. Мария забыла о своих слезах и о порванном платье, она с благоговением внимала музыке колоколов, торжественно ступая по ковровой дорожке, посланной на ступенях храма в честь новобрачных. Запах осени и жухлых листьев придавал особый аромат сегодняшнему событию. Они зашли в празднично убранную церковь, заполненную цветами, заняли свои места. Следом вошли родственники жениха (а у невесты их просто не было), приглашённые и гости, а также просто любопытные, желающие поглазеть. Все уже были в церкви, и никто не заметил одинокую женскую фигурку в простом ситцевом платье и в косынке, завязанной сзади, нерешительно подошедшую к церкви, а потом тоже юркнувшую внутрь.

Мария, стоя у алтаря, уже не опускала стыдливо глаза, она открыто смотрела на Тимофея и улыбалась ему. Он тоже ответил улыбкой. До этого она видела жениха лишь мельком на сватанье, а вот теперь откровенно смотрела ему в лицо, не пряча восторженных глаз. «Этот мой муж, – с гордостью думала она, – это отец моих будущих детей. С этим человеком я проживу всю жизнь. Это моя надежда и опора, это моя защита. Я буду самой верной женой!» Она смотрела на него и чувствовала, что уже любит этого человека, который через несколько минут станет ей родным. Тимофей подмигнул ей и что-то сказал, а она только заворожённо смотрела на него, не сводя глаз. «Какой он красивый! И он мой, только мой!»

Тут новобрачным вручили длинные, толстые церковные свечи, зажгли их, и начался обряд венчания.

– Венчается раб Божий Тимофей рабе Божьей Марии...

Мария не слышала слов, она смотрела на дрожащее пламя свечи. «Я буду самой счастливой женщиной в мире. Я сделаю всё, чтоб и он был счастлив со мной...»

– ...Согласен ли ты взять в жёны рабу Божью Марию? – донеслось до неё, как в полусне. Гробовое молчание в ответ заставило её слегка встрепенуться от задумчивости. Почему он молчит?

– Согласен ли раб Божий Тимофей взять в жёны рабу Божью Марию? – снова спросил слегка обескураженный священник.

И снова в ответ тишина такая, что, казалось, потрескивание свечей отдаётся эхом в вышине храма. И вдруг – как снежный обвал в горах:

– Нет!!!

Ещё не веря своим ушам, Мария медленно подняла глаза от свечи на Тимофея и увидела, что он смотрит в другую сторону. Она тоже перевела взгляд – у противоположной стены стояла молодая женщина в белом ситцевом платье в мелкий горошек. Фигура её не была стройной. Значит, она... А Тимофей пошёл к ней. Он долго шёл к той женщине, потом, взяв её руку в свою и вытянув вперёд, повёл её к алтарю, туда, где стояла Мария. Они долго-долго шли, а розы из рук невесты падали, падали, падали... У ног Марии рассыпался веер из роз.

– Вот моя невеста, – в звенящей тишине раздался голос Тимофея. – Она и станет моей женой.

Последний колючий цветок упал из обессиленных рук. Закрыв лицо руками, отвергнутая невеста кинулась прочь из храма. Она не видела дороги перед собой, но люди расступались перед ней.

Выскочив из церкви, Маша заскочила в первый попавшийся экипаж и, упав на сиденье, зарыдала.

– Вам куда, барышня? – обернулся к ней возница, но понял, что ответа не получит. К счастью, он знал покойных родителей Марии, дворян Мещеряковых, и поэтому отвёз её домой. Словно пьяная, шатаясь, вышла несостоявшаяся невеста из пролётки и вошла в свой дом.

Оксана и Дарья никак не ожидали увидеть её так рано. Да и по её лицу они поняли: что-то случилось.

– Что с вами, Мария Михайловна? – встревожено спросила Дарья. У неё сердце зашлось от несчастного вида юной хозяйки. – А где же ваш...

– Оставьте меня все в покое, – словно от боли, вскрикнула Мария и убежала к себе. На бегу она сорвала с себя фату и бросила её в печь, впервые в эту осень затопленную Дарьей.

Забегав в свою комнату, она закрылась на замок и, зарывшись в подушках своей кровати, утонула в слезах.

Вечер не принёс облегчения. Устав от слёз, Маша сидела в полутёмной гостиной. Снова и снова она вспоминала, как бежала, закрыв лицо, сквозь толпу в церкви.

«Какой позор! Теперь весь город будет смеяться надо мной. Я не смогу выйти на улицу – все будут на меня показывать пальцем. Как же мне теперь жить среди этих людей?»

Рыдания вновь сдавили ей горло. «Боже мой, ну за что, за что мне такое испытание? Я не смогу его выдержать. Мне некуда уехать из этого города, а оставаться здесь я не могу. Остаётся только умереть».

Маша осторожно отодвинула заслонку печи. Огонь заманчиво переливался в ней. Остановившимися глазами Мария смотрела на огонь. Она решила поджечь свою косу, а потом заживо сгореть. Она сунула кончик косы внутрь печи и замерла, ожидая бегущего по волосам огня, который затем превратит её в горящий факел. Но волосы не горели, а только обугливались, издавая при этом неприятный запах.

Маша бессильно откинулась назад, по щекам текли слёзы отчаяния. «Но я же не смогу жить с таким позором. Теперь мне никогда не выйти замуж – невест, изгнанных из-под венца, второй раз не ведут к алтарю. Это конец моей жизни. Мне незачем больше жить!»

От мысли, что уже все горожане знают о том, что сегодня произошло в Свято-Духовской церкви, Марию охватил озноб. С ужасом она представила, как местные кумушки передают друг другу подробности её падения. «Что же мне теперь делать? Как жить дальше? Куда спрятаться от стыда?»

В своих глубоких раздумьях она была настолько отрешённой, что не услышала звука шагов. И вздрогнула, когда увидела перед собой мужское лицо. Сегодня она отослала всех слуг, чтоб побыть одной, она не хотела никого видеть и не хотела, чтобы видели её слёзы, её отчаяние. Она была уверена, что в доме нет ни единой живой души.

Когда она поняла, что в комнате кто-то есть, то остолбенела от ужаса. Но тут же, узнав прищельца, облегчённо вздохнула и с безразличием сказала:

– Я никого не хочу видеть. Зачем ты пришёл?

Она узнала своего конюха. Он давно работал у них, сколько Маша себя помнит, он всегда был. Но он был не такой, как остальные слуги. Он не старался угодить, как другие. Много раз она ловила на себе его внимательный, изучающий взгляд. Это было неприятно,

она всегда старалась ускользнуть от него. И что-то было ещё в этом конюхе, чего Маша не могла объяснить.

– Уходи, – коротко сказала она. Она даже не помнила, как его зовут.

– Нет, я не уйду. Нам надо очень серьёзно поговорить, – ответил тот, усаживаясь в кресло напротив Маши. Лишь только теперь, увидев его вблизи, Маша, рассмотрев его лицо, небольшую бородку с баками, длинные тонкие пальцы, как у пианиста, поняла, почему ей всегда мерещилось в нём какое-то несоответствие. Слишком он был интеллигентен для конюха.

– Я должен с вами серьёзно поговорить. Возможно, вы скажете, что я выбрал неподходящий момент. Но я, всё взвесив, решил, что лучше всё рассказать сейчас. Думаю, своим рассказом я смогу осушить ваши слёзы, и вы воздадите хвалу небу за то, что сегодня в церкви всё кончилось для вас именно так, а не иначе.

При упоминании о сегодняшнем событии Мария исподлобья глянула на него и поджала губы. Ей захотелось вышвырнуть нахального конюха из своей гостиной.

– Много лет вы ничего не знали. Когда вы решили выйти замуж, я не смел помешать вам, считая, что, возможно, судьба жены и матери для вас более безопасна. Но когда я узнал о случившемся, то понял, что провидение ведёт нас по другой стезе. Я пришёл рассказать обо всём именно сегодня, чтобы вы понапрасну не лили слёзы. Поверьте, происшедшее не стоит ваших слёз, да ещё таких горьких. Когда вы услышите мой рассказ, то посмотрите на всё другими глазами. Ещё и посмеётесь над собой.

Ничего не понимающая Мария устало смотрела на него. «Или он издевается надо мной, или он сумасшедший».

– Прежде всего, вы должны узнать своё настоящее имя. Вы вовсе не Мария Мещерякова. Ваше подлинное имя – Королевич Лилия Владимировна. А теперь вы должны узнать о своих истинных родителях. Это совсем не старики Мещеряковы.

Мария смотрела на своего конюха, не моргая. То, что он говорил, казалось ей невероятным.

– Владимир Королевич, ваш отец – сын польской графини Невельской и царя Александра II. Он был в ту пору ещё цесаревичем, брак их не был узаконен. Царская семья не дала согласия на этот брак, поэтому Владимир стал незаконнорожденным сыном будущего русского царя. При оформлении документов Владимира мать и её семья дали ему фамилию Королевич. Думаю, смысл этой фамилии ясен без объяснений. Владимир являлся старшим сыном государя, то есть престолонаследником. Этого и испугался Александр III, придя к власти. Он решил убрать Владимира. Этому была ещё одна причина. Владимир Королевич женился на Елене Разумовской, потомке последнего гетмана Малороссии. Вдвоём эта высокородная пара представляла большую опасность для русского самодержца. Вероятно, он опасался бунта или возможного отделения Малороссии от Российской империи. Он ошибался. Елена и Владимир Королевичи не были бойцами, они и не думали вести борьбу, они не были рождены для неё. Они вели тихую семейную жизнь в замке графини Невельской. Но когда они поняли, что кольцо вокруг них сжимается, то решили бежать. Не знаю, почему они двинулись к морю – может, хотели отправиться в Турцию? А может, и нет. Когда они обнаружили погоню, то поняли, что надо спасти хотя бы свою дочь. Вот так много лет назад, в такую же дождливую осеннюю ночь вы появились в этом доме. Случайность решила всё. Ночные беглецы постучались именно в этот дом, и Елена, в слезах протягивая своего ребёнка, умоляла спасти его от расправы. Вы остались в этом доме, а ваши родители умчались в ночь. Больше о них не было никаких известий – они погибли, в этом нет сомнений, иначе бы они вернулись за вами.

А в городе вскоре узнали, что пожилой бездетной чете Мещеряковых ночью на крыльцо подкинули ребёнка. Это никого не удивило – такое часто случалось в зажиточных

семьях. Через некоторое время они удочерили подкидыша, – когда поняли, что за ним никто не придёт. Так появилась Мария Мещерякова. Старики души не чаяли в малышке, так как всю свою жизнь они прожили без детей. К сожалению, они не успели вырастить свою любимцу – они умерли, ведь они были уже старенькими.

Теперь я расскажу о том, кто я таков. Я был дворецким в доме графини Невельской. Я знал вашего отца кудрявым мальчиком. Вы, наверное, не верите, глядя на меня. Да, я выгляжу очень молодо, но я гораздо старше, чем вы думаете. Я остался в этом доме с того момента, как вы здесь появились. Я должен был оберегать и защищать вас. Кроме того, я должен был передать вам все ваши документы, бумаги отца и драгоценности матери. Я знаю, где вы их можете получить...

У Марии голова шла кругом. «Конюх – дворецкий... Он не бредит?»

– Но, кроме того, я чувствую себя ответственным за вашу судьбу, ведь у вас никого нет. В банках Европы на ваше имя родителями открыты счёта. Кроме того, вы – наследница родительских денег, которые лежат в тех же заморских сейфах. Вы необыкновенно богаты. Но главное ваше богатство – ваше происхождение. В ваших жилах течёт благородная кровь династии Романовых и гетмана Разумовского. Ваше происхождение обязывает вас к другому образу жизни. Мы должны изменить вашу жизнь, тем более, что после случившегося вы сами этого страстно желаете. Мы уедем в Европу. Вы обязаны получить образование и манеры, достойные вашего знатного происхождения. Пока что ваши манеры сойдут лишь для провинциальной мещанки Маши Мещеряковой, но не для прямого потомка царской фамилии Лилии Королевич. Вы должны стать леди, светской дамой, дамой высшего света. Оставим в прошлом Машу Мещерякову, возродим к жизни Лилию Королевич. Я жду ответа.

– У меня нет выхода. Я должна уехать из этого города. Я согласна стать кем угодно, лишь бы забыть сегодняшний кошмар, – сдавленно говорила Мария. Она ещё не осознала всю полученную информацию. – Продадим здесь всё, сожжём документы Марии Мещеряковой и уедем отсюда навсегда.

– Э, нет, – не согласился бывший дворецкий. – Мы всё оставим как есть. Всё это нам может пригодиться.

Утром у нотариуса была оформлена купчая на дом Мещеряковых на имя некоей дамы Лилии Королевич, которая живёт где-то в Европе. От её имени сделку совершил её дворецкий, купивший дом Мещеряковых. Сама же бывшая хозяйка дома, после скандального происшествия ни разу не показавшаяся на людях, тихо и незаметно покинула город, уехав из него по Николаевской почтовой дороге. Она сделала это ночью, когда все горожане спали, улицы были темны и мертвы, и только монотонный осенний дождь сопровождал карету, нескончаемым потоком проливаясь на неё.

* * *

Снова утро. Такое же серое и монотонное, как все предыдущие. Лиля знала, что и этот день не принесёт радости, как и все остальные. Уже давно ничто не радовало её здесь, в этом краю.

Она сидела на подоконнике и смотрела в окно. Отсюда, сверху, из своей мансарды, она видела разноверхие крыши Латинского квартала. Как же она устала здесь, устала душой! Лиля чувствовала, что наступил её предел, больше ей не выдержать в чужой стране. Пора домой...

Вошёл дворецкий. Он принёс ей кофе.

– Дворецкий, – сказала Лиля, отпив глоток. – Нам пора домой.

– Лиля, – с мягкой укоризной начал тот, – у тебя опять хандра. Это пройдёт...

– Не надо, не говори больше ничего. Я знаю каждое твоё слово, которое ты произнесёшь. Мы уже ездили в Альпы, на Лазурный берег и в Карловы Вары. Я больше никуда не хочу. Я хочу домой.

Дворецкий замешкался. У него был аргумент, но он колебался: стоит ли произносить это вслух, не заденет ли это Лилю, не сделает ли это ей больно. Но, в конце концов, кажется, что это единственная возможность образумить отчаявшуюся эмигрантку, все остальные он исчерпал в прошлые разы.

– Лиля, – решительно заговорил он, не будучи уверенным, что скажет свою мысль до конца. – А как же твои воспоминания? Тебе не больно будет возвращаться туда, где тебя...

– Поди-ка вон, – тихо и твёрдо сказала Лиля.

Дворецкий ушёл. Лиля машинально рассматривала давно знакомую ей чашку, а потом в отчаянии швырнула её об стенку. Да, да, он прав! Что ей делать? Здесь она не может, не хочет находиться, а на родине все помнят о её позоре, начнут пальцем тыкать, в лицо смеяться. А если не начнут? Может, все уже давно забыли про неуклюжую невесту, которой жених дал отставку прямо у алтаря. Разве людям больше не о чем посудачить, кроме как столько лет помнить об этой истории? Вполне возможно, что все давно забыли о ней, одна Лиля помнит и никогда не забудет – потому что это произошло с ней. И ей кажется, что все об этом помнят, а на самом деле каждый занят собой больше, чем всеми остальными жителями планеты, вместе взятыми.

Лиля безотчётно ощущала необходимость возвращения. Хотелось ли ей вернуться? Бесспорно, да. Хотелось ли ей вернуться именно сейчас? Нет, именно сейчас она не хотела бы вернуться, но... Но недавно что-то пришло к ней: то ли это первое детское воспоминание, то ли сон, то ли её собственное воображение ей это нафантазировало. Она сама не знала, не могла разобраться в этом, и это мучало её. Если только это было наяву, надо ехать в Херсон как можно скорее. Но было ли это на самом деле или это лишь плод её фантазии?...

Студентка Сорбонны Лилия Королевич снимала в Латинском квартале хорошую квартиру в верхнем этаже с мансардой. У неё была прекрасная спальная комната с альковом, но она полюбила эту мансарду и обосновалась здесь. Пространство было не прямоугольным, как везде. Пол намного шире потолка, стены покатые, низкое чердачное окно – всё это было необычно и даже загадочно. Лиля любила, чтобы всё было не так, как принято у всех. И действительно, было не как у всех: слуга жил внизу, в роскошной квартире, а Лиля, по сути, на чердаке. Но ей безумно нравилась эта мансарда, и если она о чём-то и будет жалеть, уехав из Парижа, так это об этой мансарде.

– Ужин подавать? – вновь вошёл дворецкий.

Лиля долго изучающе смотрела на него, потом ответила:

– Позже.

Как она и ожидала, он пришёл не только за этим.

– Лилечка, мы в этом месяце не собирали студентов. Давай сделаем вечеринку, я составлю меню, ты только назначь день.

– Пожалуй, мы таки проведём вечеринку. Но ты мне зубы не заговаривай, я знаю, что ты хочешь меня отвлечь от моих намерений. У нас будет прекрасная оглушительная прощальная вечеринка, а потом мы уедем.

– Лилечка, а как же учёба? Тебе надо получить диплом, а потом уже ехать на все четыре стороны.

– Дворецкий, мне надоело зубрить философов в университете, так ты ещё тут философствуешь. В конце концов, деньги мои и я решаю, где жить. Я приняла решение. Может быть, мы сюда ещё вернёмся. А может, и нет – если я вступлю в права наследования. – Она помолчала, подумав, что, пожалуй, не стоит на эту тему говорить здесь и сейчас. – Ступай,

пиши меню. Будем гулять с размахом, по-русски! Пусть Сорбонна запомнит студентку из России.

Глядя вслед дворецкому, закрывшему за собой дверь, Лиля подумала, что, пожалуй, не стоит ему ничего знать. Хоть и преданный, а всё равно холоп.

Лиля вернулась в этот город такой же ненастной ночью, какая была и при её отъезде. Правда, не было дождя, как тогда. Ветер нещадно трепал афиши на круглых тумбах и нёс по городу жёлтые листья.

Проезжая в экипаже по знакомым до боли улочкам, Лиля едва удерживала себя от желания выскочить из него, петь и танцевать. «Я снова здесь, снова, снова!!!» Чувствам, переполнявшим её, явно было тесно, но она боялась их выплеснуть, ведь она вовсе не местная жительница, а особа, жившая долгие годы в Европе, и вот теперь впервые решившая посетить свою недвижимую, купленную её доверенным лицом в Херсоне.

Лиля сквозь вуальку изредка роняла взгляды на сидевшего рядом дворецкого. Тот был непроницаем. Его не волновал факт приезда в родные пенаты, тем более что для него тут родного не было ничего. Он опасался другого. Опасался быть узнанным. Хотя, собственно говоря, лично ему это не грозило. Кто мог знать в лицо какого-то конюха из помещичьего дома? Но вот Лилю могли узнать. Слишком много шума наделала тогда та история со свадьбой – не каждый день случается подобное. Наверняка Машу не забыли и хотели бы узнать, как сложилась её дальнейшая судьба. А теперь будут приглядываться к новой хозяйке Машиного дома, сравнивать с прежней. А, сравнивая, могут найти немало общего...

«Не должно такого случиться, – убеждал себя он. – Лиля стала совсем другой, и не только внешне». Да, она повзрослела, изменила причёску, у неё появились манеры, которые и не снились ни одной губернаторше, не говоря уже о провинциальной девочке Маше. Но самое главное – она стала совершенно другой личностью. Уверенная в себе, раскованная, со своими убеждениями, с женской игривостью. Есть, правда, одно «но». Если к ней придут свататься, она или упадёт в обморок, или в ярости спустит кавалера с лестницы. А если такое будет повторяться не один раз, то это может навести на некоторые размышления... «Надо будет поговорить с Лилей на эту тему», – подумал дворецкий, и в этот момент их пролётка остановилась у хорошо знакомого им обоим дома на Витовской.

Прислуга встречала их у дверей. Они давно распорядились о замене прислуги. Пока хозяйка была в Европе, управляющему было дано указание сократить до минимума количество слуг, необходимых лишь для содержания дома, а затем заменили и управляющего и оставшихся слуг.

Лиля с трепетом вошла в дом, мило улыбнувшись встречавшим, а кого-то даже потрепав по щеке. Знакомый с детства запах домашнего очага закружил голову. Лиле даже показалось, что ноги её ослабли и теряют опору. Но, как и положено хорошей артистке, она послушно шла за теми, кто вёл её по дому, показывая комнаты и другие помещения. Она не видела, за кем шла, не слышала, что ей говорили. Она жадно рассматривала всё вокруг себя, успевая вовремя ответить на вопрос или сказать дежурный комплимент бывшим хозяевам. «Всё те же обои на стенах... Та же мебель...» А вот и кресло-качалка, в которой старик Мещеряков любил сидеть с газетой и трубкой в руке (ко рту он подносил её чрезвычайно редко). Бывало, он засыпал с газетой в этом кресле-качалке, укрытый клетчатым пледом, и тогда злобный кот Васёк забирался на колени к деду и тоже засыпал, запуская коготки в плед и выдёргивая нитки. Потом от бабушки Мещеряковой за вредительство попадало обоим.

Чувствуя, что она уже не в силах справиться с нахлынувшими воспоминаниями, Лиля учтиво, с улыбкой поблагодарила всех и сказала:

– Я очень устала после долгой дороги из Парижа. Подайте ужин и можете идти. Мы будем отдыхать.

Ей не хотелось говорить, хотелось побыть наедине со своими чувствами. С тех пор, как она узнала о настоящих родителях, она привыкла только их считать родителями. А вот теперь она поняла, что была не права. Ведь и Мещеряковы не были ей чужими – они её вырастили. «С полным правом я могу считать, что у меня два отца и две матери». И ещё она подумала, что надо навестить их могилку – она, наверно, совсем заброшена.

Лиля рассеянно сидела за столом, тыча вилкой в тарелку. Она давно мечтала о херсонской кухне, но сейчас вкусы и запахи не пленили её. Ни галушки, ни тушеная курица, ни холодец не вызвали энтузиазма. Зато вензеля на серебряной вилке – инициалы хозяев дома – заставили восторгнуться, ведь много лет назад она держала в руках именно эти вилки. Сразу запахло детством, вспомнились рождественские ёлки и пасхальные куличи...

Дворецкий внимательно наблюдал за ней. Заметив его взгляд на себе, Лиля сказала:

– Иди, я хочу побыть одна.

Оставшись одна, она подошла к роялю, подняла крышку и пробежалась пальцами по клавишам. Сколько часов она провела за роялем, ненавидя его, а теперь эти звуки, наполнившие тишину, стали сладким воспоминанием детства. Лиля взяла стул, пододвинула к роялю и, удобно устроившись, начала играть запомнившуюся с детства мелодию. Отвыкшие пальцы не были столь послушны, как прежде, но мелодия лилась. И вдруг нежная мелодия прервалась диким аккордом, потому что Лиля положила обе руки на клавиатуру и, уронив на них голову, рыдала. Ей было безумно жаль глупую обманутую девочку Машу Мещерякову, жаль стариков Мещеряковых – всю их неудачную семью. Ей было жалко рано погибших молодых Королевичей, жалко их неприкаянную дочь, которой судьба тоже вряд ли дарует лучшую долю. Немного поплавав, она вскинула голову и вытерла слёзы. «Хватит, – сказала она себе. – Это были последние слёзы в моей жизни».

Пора бы и спать ложиться, но прежде Лиля прошла в комнату, служившую кабинетом старику Мещерякову. Всё так же, как и было: стройные ряды книжных полок, изящной работы письменный стол с ящиками, запиравшимися на ключ, кожаное кресло и диван. Лиля подошла к стене возле книжного шкафа и провела по ней рукой. Ровная кирпичная кладка, покрытая сверху обоями – это всё, что она смогла нащупать.

«Ну что ж... ладно. Сегодня спать, а завтра видно будет».

Губернский город Херсон радовал сердца своих жителей. Фасады домов и церквей украшали скульптуры. Дома имели оригинальную архитектуру, оконные и балконные решётки, а также заборы не повторялись. В городе была хорошо отлаженная водопроводная система. Почти в каждом дворе были фонтанчики. Улицы были вымощены серой и красной брусчаткой. Пешеходные дорожки мостили белой или чёрной плиткой: белая – из лавы вулкана Везувий, чёрная – из его пепла. Архитекторы Корсаков, Казаков, Такс, Старов, Ванрезани, Буржуа постарались создать неповторимый город.

Город был засажен акацией и липой, которые благоухали весной и летом. Дренажная система была хорошо налажена. Устройством зелёного хозяйства в Херсоне занимался лучший в Европе садово-парковый мастер 18 века В.Гульд.

Скучала ли Лиля по родному городу, находясь на чужбине? Положа руку на сердце, она лишь самой себе могла признаться: нет. Да, ей тесно было в Париже, но не потому, что тянуло домой. Она знала, чья она дочь, и ей хотелось поскорее вступить в борьбу за свои права. Пребывание в статусе студентки казалось ей бесплодным времяпрепровождением. В ней достаточно было азарта, злости, хитроумия, к тому же всё это подкреплялось хорошими счетами в банках – и просто жалко было терять день за днём своей жизни на лекциях. Как застоявшаяся в стойле лошадь фыркает, перебирает ногами, просится на волю, так и Лиля

уже чувствовала в себе силы начинать борьбу за свои права. Но прежде она вернулась в свой город, чтобы решить для себя один вопрос... Впрочем, это потом.

Проснувшись утром в своей кровати, Лиля смотрела на солнечные блики на стене. Каштан под её окном совсем разросся и летом, наверное, не пропускал солнечные лучи, а сейчас, осенью, в окне торчали оголённые ветви дерева. Вот только глядя на этот каштан, Лиля почувствовала, что хочет пройти по улицам города, посмотреть, насколько они изменились, а, может, и не изменились.

Что ж, надо вставать и заниматься делами. Но словно что-то не давало ей возможности подняться. Она лежала, зарывшись в перине, и ей казалось, будто детство вернулось. Сейчас послышатся шаркающие шаги старика Мещерякова, откроется дверь, войдёт он и скажет, что нельзя лежать, если проснулась, надо сразу вставать. Потом, побряхывая, придёт бабуля Мещерякова, заплетёт косы, спросит, что снилось и позовёт к завтраку. Да, так было. Раньше Лиля называла их папой и мамой, а теперь вот – по фамилии. Но ведь и себя она называла прежде по-другому... Как же всё жестоко и несправедливо повернулось в её жизни! Лиля подумала о несправедливости и тут же одёрнула себя – нельзя себя жалеть! Жалость – это путь к поражению.

«У тебя всё получится. Ты добьёшься всего, чего желаешь. Удача обязательно придёт к тебе», – мысленно говорила себе Лиля в минуты растерянности, неуверенности, колебаний. После таких слов она чувствовала прилив сил и готова была броситься в бой.

За завтраком она сказала дворецкому:

– Выпиши мне газету «Юг». Собери все отчёты о ведении хозяйства и об уплате налогов за эти годы. Пожалуй, тебе на сегодня заданий больше нет. А я прогуляюсь по городу.

Она надела своё любимое чёрное платье, купленное в салоне на Елисейских полях, полупальто с муфточкой и шляпку с вуалью. Вуаль была с крупными чёрными кружочками, это мешало смотреть, но и хорошо скрывало лицо.

Лиля вышла из своего дома на Витовской улице, что был неподалёку от почтово-телеграфной конторы, и пошла на Суворовскую, где находились три стоянки извозчиков, или, как их называли в Херсоне, биржи. Одна была на перекрёстке с Воронцовской улицей, другая – на перекрёстке с Ришельевской, а третья – на перекрёстке с Потёмкинской улицей.

Лиля неспешно шла по булыжной мостовой. Она ездила по Европе, бывала в столицах и провинциях, видела выдающуюся архитектуру и великолепные природные ландшафты, всё это затмило бы собой губернский город Херсон, если бы... Если бы этот город не был ей родным. Она вовсе не скучала по нему, но теперь, ступив на эту землю, поняла, как ей не хватало этого города, этого воздуха, этого мира. Лиля шла по Суворовской, читая вывески справа и слева от себя. И каждая была знакома ей с детства. Дом Гурфинкеля, в нём находится «Русско-Азиатский Соединённый банк». Магазин Пембека. Мануфактурный магазин Тотеша. Магазин игрушек. О, этот магазин игрушек! Здесь продавались самые лучшие игрушки, всегда были новинки, здесь исполнялись самые заветные желания всех херсонских детишек. Лиля с улыбкой прошла мимо, вспомнив, сколько счастливых минут пережила она в этом магазине. Тогда ей казалось, что всё счастье мира находится в этих стенах.

Фотоателье Можаровского – сюда её приводили каждый год в день рождения. Надо, кстати, поискать детские фотографии. Старики Мещеряковы торжественно приводили на фотосъёмку свою дочь. На первом этаже находилась фотолаборатория, на втором – непосредственно фотосалон. Фотограф Можаровский имел золотую медаль на Станиславской ленте по представлению Великого Князя Александра Михайловича, чем очень гордился и этим привлекал клиентов.

Далее – аптекарский и косметический магазин провизора Пинтера. А головные уборы! Надо как-нибудь заглянуть сюда, посмотреть, что носят херсонские модницы.

На перекрёстке с Успенским переулком – дом Меттер. В первом этаже дома – кафе и кондитерская, во втором этаже – «Херсонское отделение Соединённого банка». Здесь же книжный и писчебумажный магазин Золотарёва.

Ещё одно фотоателье. Потом кондитерская Горохова. Лиля и сейчас помнит вкус пирожных и сладкие запахи кондитерских изделий. К сожалению, не так часто ей разрешали есть сладкое – берегли зубы. Детская мечта: накопить денег, прийти сюда и попробовать все пирожные. Сюда она обязательно придёт исполнить свою детскую мечту.

Далее торговый дом Юрия Иевлева – владельца склада аптек, косметических, резиновых, хирургических, перевязочных, фотографических и оптических товаров.

А вот и знаменитая херсонская аптека, открытая в 1828 году ещё при губернаторе Августе Фёдоровиче Комстадиусе. Возле аптеки, как и раньше, дежурил полицейский. Здесь никто никогда не нарушал порядка, но полицейский неизменно стоял на своём посту.

Улица была вымощена гранитом, повсюду – электрические фонари. По воскресным, праздничным и царским¹ дням по Суворовской и Ришельевской улицам солдаты проходили торжественным маршем. А по вечерам по Суворовской от Потёмкинской до Торгового переулка обычно степенно и неторопливо дефилировали горожане, они ходили туда и обратно. При этом замужние дамы и девицы прогуливались по разным сторонам улицы.

Лилия приблизилась к стоянке извозчиков. Они наперебой стали зазывать её к себе. Здесь были одноконные и пароконные экипажи, брички и фаэтоны с откидным верхом. У каждого извозчика была бляха жёлтой меди в форме эллипса, на которой было написано: «Херсонская городская управа. Извозчик №... Год выдачи...» Бляхи выдавались на один год, потом надо было возобновлять её. Глядя на галдящих извозчиков, Лилия подумала, что ничего не изменилось, несмотря на её длительное отсутствие. Показалось, что даже лица ей знакомы.

Она взяла пароконный экипаж. Обрадованный её выбором извозчик засуетился, приговаривая:

– Щас, барышня, сей момент. Отвезу, куда скажете, – он помог ей хорошо уместиться, занял своё место, взял в руки поводья и с готовностью спросил: – Куда прикажете?

– Голубчик, покажи-ка мне свой город. Провези меня по главным улицам.

– Барышня приезжая? – поинтересовался возница.

– Да, я из Парижа, – коротко и строго ответила Лилия, давая понять, что далее беседовать не намерена и в комментариях кучера не нуждается.

Две ухоженные лошадки безропотно повезли их прямо по Суворовской и, пересекая Говардовскую, оказались на Лютеранской. Она так называлась потому, что здесь стояла кирха – лютеранская церковь. Лилия ни разу в жизни не видела ни одного живого лютеранина в Херсоне, не знала, чем отличается лютеранская церковь от католической, что на одной-имённой улице, но, тем не менее, здесь была лютеранская церковь. С другой стороны был большой Александровский парк. Он был разбит между городом и крепостью на месте бывшего ипподрома – это Лиле ещё в детстве рассказывали. Далее по Лютеранской шёл, как его именовали местные, «красивый дом» городского головы Блажкова – тоже что-то в лютеранской манере, необычной для южного города. Проезжая мимо этого архитектурного шедевра, кучер не сдержался и нарушил молчание:

---

¹ Царские дни – дни рождения, тезоименитства (именины) членов царской семьи, а также день коронации царствующей особы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.